

сделать это теперь, когда мы несем некоторую «цивилизацию» в азиатские степи.

Понимая все это, я желал бы, однако, воздержаться свою нацию от дальнейших «выживаний» и, так сказать, обратить свой народ в «исторически-бытовой». Мысль очень странная, но не страннее, например, следующей:

Одному мудрецу пришла в голову мысль воспретить дальнейшее печатание книг до тех пор, пока напечатанное не будет прочитано. Я предлагаю, приблизительно, то же. Не отнимая у страны того, что она приобрела, приостановить дальнейшие приобретения, заверив ее, что в перспективе, без всякого с ее стороны труда, предстоит великая будущность и что будущность ее будет тем величественнее, тем славнее, чем меньше она будет, в смысле «историческом», делать теперь. Тогда каждый обратится к «злобе дня», к своему домашнему очагу, к своему частному делу, забудет все так называемые «общие» вопросы, «исторические законы», Европу, даже самую Россию, поскольку она есть страна «историческая». Поколения будут мирно сменяться, пока которому-то из них не выпадет на долю «великая будущность» — великая и на мой взгляд, ибо в этом «будущем» измученная и растерзанная Европа воспримет наши «начала» и почиет в нашем величавом спокойствии. Тогда настанет конец истории и повсеместно водворится Азия с ее «бытовыми» народами.

Как вы об этом думаете? Срока на ответ даю целый год.

Письмо к Н. И. Костомарову

Вы легко поймете, многоуважаемый Николай Иванович¹, что ваше обращение к «полякам-миротворцам» (Новое Время, № 478)* не может остаться без ответа. Оно подписано вами — глубоким знатоком русской и польской истории. Следовательно, ваш голос неотразимо подействует на многих и многих. Позвольте противопоставить ему некоторые соображения в пользу другого взгляда.

Ваша статья посвящена развитию следующей мысли. Письма поляков, напечатанные в «С.-Петербургских Ведомостях», рас-

---

* В № 478 «Нового Времени» помещена статья Н. И. Костомарова, озаглавленная «Полякам-миротворцам».

считаны, по вашему мнению, именно на доверчивость и наивность русского общества. Опираясь на многочисленные исторические факты, вы доказываете, что обман и притворство всегда были оружием поляков против России. В настоящее время они так же, как вы полагаете, воспользовались славянским движением, чтобы «ввезти в нам троянского коня».

Не стану спорить, что излишняя доверчивость в политике неуместна и опасна. Мы все пережили события 1863 г. и живо помним, сколько бед натворила нам эта «доверчивость». Не знаю только, что больше винить — коварство ли поляков или наивность русских. Во всяком случае, вы имели полное право отнестись с недоверием к письмам поляков. Право это принадлежит вам, прежде всего, как историку, близко знакомому со всеми изворотами борьбы России с Польшей. Во-вторых, это право дано вам самими авторами писем, так как в их заявлениях, действительно, содержится несколько фальшивых нот. Позвольте мне остановиться на этих двух «титулах» ваших: на право не доверять заявлениям поляков, прежде всего, на праве *историка*. История показывает вам, что коварство и интриги весьма часто были оружием Польши против нашего отечества. Отсюда вы заключаете, что и в настоящее время поляки ухватились за славянское движение, как за новый предлог отвести нам глаза и навредить в последствии. Мне кажется, однако, что одно никак не следует из другого.

Вы предполагаете, что, в силу тех или других причин, склонность к обману сделалась, так сказать, национальной чертою польского характера. Предполагая даже, что события последних ста лет воспитали в польском обществе такие непохвальные склонности, нельзя, сколько мне кажется, видеть в них единственное основание для оценки современных исторических явлений и выводить из них правило для нашей политики. Оставаясь на такой почве, мы легко придем к «философии» одного моего знакомого. «Жид, говорил он, всегда останется эксплуататором, а поляк конспиратором». При подобном взгляде на дело остается желать, чтобы еврейский и польский вопросы были решены так, как некогда вопрос еврейский был решен в Египте — «исходом» непримиримого племени в какую-нибудь новую обетованную землю. Но в наше время вряд ли можно ожидать таких решений. Народам, поневоле, приходится жить вместе, а потому им должно думать об установлении какого-нибудь *modus vivendi*². Точкою опоры в этом случай являются обстоятельства данного времени,

даже данной минуты. Не относитесь пренебрежительно к «минуте», иная минута больше значит в истории народов, чем десятки лет вялого и сонного «течения истории». В этом пренебрежении к данной минуте и заключается, по моему убеждению, недостаток вашего письма. Вы очень подробно остановились на истории польских восстаний против России, но ничего не сказали о значении событий последних десяти лет для польской народности. Позвольте восстановить смысл этих событий.

Поляки мечтали о восстановлении старой Речи-Посполитой; притязания свои в глазах Европы они оправдывали тем, что нация их есть как бы форпост европейской культуры против русского варварства. Не даром Духинский³ заставил нас прозойти от «туранского» племени, врага цивилизации. Европа верила им или, вернее, притворялась, что верит. В 1863 г. европейская журналистика гремела на эту тему. Вы знаете, однако, что ни один солдат не был выставлен Европою на защиту своего «форпоста». Напротив, в 1867 г. польские провинции Пруссии были включены в состав Северо-Германского союза, как его нераздельная часть.

Тщетно Контрак и Неголевский⁴ протестовали против такой инкорпорации все во имя тех же культурных заслуг Польши. Вы припомните, что отвечал князь Бисмарк⁵ на эти заявления. Инкорпорация состоялась и состоялась на грозных для польской народности условиях. Северо-Германский союз, впоследствии Германская империя, построился во имя начала национального единства» ради усиления и развития германской *народности*. Следовательно, для польских провинций Пруссии включение их в состав союза (после империи) означало новое торжество онемечения негерманских земель. До 1866 г. от польских провинций Пруссии требовалось политическое подчинение прусской державе; теперь требуется подчинение культурное и народное. Правда, и прежде германизация делала огромные успехи в польских областях, подвластных Пруссии. Но теперь факт возведен на степень права, даже догмата. Настал 1870 г. и эта новая сила Германии обрушилась на сторону, где польская эмиграция находила самую твердую точку опоры — на Францию. Новое разочарование для польского общества.

Наконец, вся мыслящая и политически развитая Европа восстала против того, что некогда служило главным двигателем европейской истории — против выродившегося папства и его

приспешников, некогда поднимавших всю Европу на защиту «католицизма» в Польше.

Соедините эти три вещи — образование *национальной* Германской империи, падение Франции и явное вырождение папства, соедините все это и подумайте, не видоизменился ли польский вопрос глубже, чем это кажется? Не следует ли воспользоваться этими обстоятельствами для блага нашего отечества?

Смысл их очевиден. Они показали, насколько возможно восстановление Речи-Посполитой; они уяснили цену европейских симпатий к Польше; они раскрыли внутреннюю слабость духовного начала, связывавшего Польшу с католическими землями — папизма. Польша разбита на всех пунктах, именно там, где она видела для себя твердую точку опоры против России — в Европе.

Не спорю против того, что той или другой европейской державе может прийти в голову поднять «польский вопрос», но всякий мыслящий поляк, сообразив все обстоятельства времени, догадается, что вопрос поднимется не ради Польши, а против России и на пользу данной европейской державы. Не спорю и против того, что еще долго иные члены польского духовенства будут пользоваться своим влиянием на польских женщин и нашептывать им в исповедальнях слова ненависти против «схизматиков». Долго еще, вероятно, будут справедливы слова известного оратора нашего, что польский юноша делается революционером потому, что старая Польша встает пред ним «в дивном величии и злате». Долго еще, наконец, нельзя будет говорить о *любви* поляков к России.

Чувства и стремления, воспитанные веками, не исчезают вдруг, особенно в Польше, да и вообще на Западе. Мы, русские, способны перемениться разом, круто повернуть фронт, возненавидеть недавних друзей и возлюбить вчерашних врагов. В этом наша сила и слабость. Поляки же слишком держатся своих преданий, чтоб от них можно было ожидать внезапных превращений. Но это не дает нам права смотреть на нацию, как на величину всегда себе равную и неизменную, неподдающуюся никаким *новым* историческим условиям. Напротив, здравая политика обязана зорко следить за изменением исторических комбинаций, принимать в расчет все новые явления и извлекать из них всевозможную выгоду для своего отечества.

Обстоятельства сложились так, что польское общество явно не может идти по прежней дороге. Утратив свое значение в Европе и для Европы, оно должно искать для себя иной точки опоры.

Небольшая группа лиц сознала это и ищет спасения в примирении с Россией, как с главной представительницей славянского мира. Кажется, русская публицистика не может отнестись к этим фактам равнодушно. Она обязана заботиться о том, чтоб мнения меньшинства сделались убеждением большинства. Серьезное и трезвое отношение к этому делу со стороны русского общества и русской печати дало бы этому меньшинству твердую точку опоры и имело бы решительное влияние на колеблющиеся умы, которых так много в польском обществе, как и во всяком другом.

Конечно, вы избавите меня от труда разбирать вопрос: почему сближение России с Польшей выгодно в интересах обеих стран и всего славянства. Вы знаете это лучше меня, да никто и не оспаривал такой выгоды. Здесь необходимо остановиться на другом источнике вашего недоверия к заявлениям польских эмигрантов — на некоторых фальшивых нотах, звучащих в польских письмах.

Письма эти найдены были высокомерными и неискренними. «Вы хотите мириться, а говорите тоном педагога или человека высшей породы». Вот главное возражение. На мой взгляд эти «фальшивые ноты» объясняются очень просто — полным незнакомством с убеждениями и стремлениями современного русского общества. Авторы писем, преисполненные хороших намерений, никак не могут попасть в тон, а потому иные мысли их как-то режут ухо русского человека. Но предположим, что все эти диссонансы, действительно, плод некоторого самомнения, некоторого покровительственного отношения к русской народности. Положа руку на сердце, нельзя не сказать, что значительная доля вины падает на нас. Отношение других народов к нам, в большой мере, определяется тем, как мы относимся к себе. Припомните же отношение значительной части русского общества к русской народности за последние двадцать лет! Не говорю о необходимой во всяком обществе критике существующих порядков, о здоровых стремлениях к замене отжившего новым и т. д. Нет, я говорю об отношении к русской *народности*, взятой в ее коренных свойствах, в капитальных явлениях вашей истории, умственной и духовной жизни.

Не будем называть имен — грех общий, но признайте достоверность следующего факта. Если б поляк или всякий другой иноземец захотел составить себе понятие о русских исторических деятелях по иным историческим сочинениям и статьям (имя им легион), он пришел бы к заключению, что русская земля не

родила ничего, кроме злодеев, идиотов или умалишенных. В то время как поляки, часто страдавшие противоположным грехом, то и дело находили в своей литературе польского Шекспира, польского Гейне⁶, Диккенса⁷ и т. д., наша «литературная критика» усердно занималась «сбрасываньем с пьедестала» корифеев нашей письменности. Какое имя, какие заслуги уцелели у нас от поругания, от травли самой беспощадной? И после этого мы удивляемся, что «иностранцы и инородцы» не интересуются ни нашей историей, ни нашей литературой. Это немного наивно.

Пойдем дальше. Все мы живем теперь одним желанием, одною надеждою — чтоб русское оружие сломило, наконец, турецкую орду и дало свободу славянам. Скажите, пожалуйста, можно ли было безнаказанно, не подвергаясь упрекам в «отсталости, глупости, квасном патриотизме» и т. д., выражать эти мнения и желания лет пять-шесть тому назад. И вы, и я, и все мы помним, что слово «братья славяне» употреблялось в нашем обществе не иначе, как в ироническом смысле. До сих пор помню я одну фразу, принадлежащую очень известному и талантливому литературному критику. Дозволяю себе привести ее потому, что писатель этот изменил с тех пор свои взгляды и печатает прекрасные корреспонденции с театра войны. В 1869 г. печатались превосходные статьи Н. Я. Данилевского⁸ «Россия и Европа» (вышедшие после отдельной книги). Критик, разбирая которую-то из статей Данилевского, заметил, что автор желает учредить в Царьграде «дело всеславянской глупости». Фраза очень знаменательная, если принять в расчет, что критик был верным выразителем мнения значительного большинства нашего «интеллигентного общества».

Вас, как и всех нас, смущают воспоминания о печальном 1863 г. Нет сомнения, что события этого года плод «мечтаний» польского общества о старой Польше, мечтаний, от которых тщетно предостерегал поляков наш Государь. Но, собрав наши воспоминания об этом времени, мы должны будем признать, что наше поведение давало большую пищу этим мечтаниям. Припомните только настроение нашей «интеллигенции» в начале шестидесятых годов. Смело можно сказать, что взрыв патриотизма, последовавший в 1863 г., был решительною *неожиданностью* для поляков и европейцев, судивших о настроении русского общества по верхним его слоям. Вы знаете, что расчеты поляков и их европейских друзей были основаны, между про-

чим, на том, что *русское* общество сочувствует восстановлению Польши, и что одновременно с польским восстанием начнется русская революция.

Обратимся к последним событиям. Я думаю, вы без труда согласитесь, что, с одной стороны, образ действий России в восточном вопросе был бы решительнее и быстрее, а притязания «иных держав» умереннее, если бы в известных сферах нашего общества не носилось убеждение, что Россия не в силах взяться за решение вопроса. Во многих местах слышался один и тот же вопрос: «куда нам!» — и это «куда нам» имело разнообразные источники. Одни твердили это восклицанье потому, что, по их мнению, Россия изъедена и расслаблена реформами, что освобождение крестьян подорвало экономическую силу России, а преобразование армии сломало дисциплину, что, в результате, Россия, при первом движении, развалится. Другие восклицали то же, «принимая во внимание», что Россия сама недостаточно ушла по пути прогресса, а потому едва ли в праве помогать другим. Третьи говорили, что Россия «вообще» не готова, да и вопрос «не созрел» и т. д. Чем же могла казаться Россия через призму этих взглядов. Слабеньким, еле живым государством, населенным безличным, вялым народом, не сознающим ни своего призвания, ни своей силы. Такое государство можно протянуть через все каудинские фуруклы разных конференций, почтительнейших представлений и протоколов.

И вдруг из этого полуживого государства, по первому слову Государя, выходит могущественная армия и совершает все военные операции на диво иностранцам; вдруг из этого дряблого народа выходят сказочные герои, бесстрашные и самоотверженные. Русской народной гордости опять есть на ком остановиться с уважением и любовью. Дубасовы, Шестаковы, Драгомировы, Тергукасовы уже сделались народными героями.

Но на долго ли? Кончится война, и мы опять, может быть, предадимся самоунижению и самооплеванию, опять будем со всею страстностью нашей природы искать «темные пятна» в героях минувшей войны, опять будем твердить свое «куда нам!» и раболепно склоним голову перед Европою, ожидая от нее «дальнейших указаний»...

Вот существенный враг наш, враг более страшный, чем всякое «польское коварство», потому что последнее питается первым. В своей статье вы говорите, обращаясь к полякам: «если, в самом

деле, вы почувствовали, наконец, что вы славяне и хотите принять участие в деле освобождения и возрождения славянского мира, то делайте это прежде примирения с нами, а самое примирение пусть произойдет, как последствие ваших славянских симпатий».

Не стану останавливаться здесь на предлагаемой вами градации «примирения». Замечу только мимоходом, что вряд ли поляки могут войти в славянство, не примирившись с Россией, потому что главное основание не-славянского направления Польши есть ее нелюбовь к России. Но вот интересный вопрос: настолько ли мы сами прониклись славянской идеей, чтобы требовать от других внезапного и решительного погружения в «славянское море»? Насколько ли мы срослись с нашею задачею, чтобы никогда, в самых мелочах нашей обыденной жизни, не отворачивать от нее лица нашего, работать для выполнения ее не только порывами и оружием, а плугом, пером, сердцем и мыслью изо дня в день?

Недалекое будущее даст нам ответ на этот вопрос. Дай Бог, чтобы мы не сожгли сразу то, чему поклоняемся теперь, чтобы славянское движение не сделалось снова синонимом «обскурантизма» в глазах одних и «замаскированную революцией» в глазах других. Только тогда, когда знамя будет твердо в наших собственных руках, оно делается центром соединения для других.

Я говорю не о *самоуважении* народном — источнике застоя и всякого зла, а о *самоуважении*, без которого немислима ни частная, ни народная личность. Но нет самоуважения без наличности твердых и определенных идеалов, без светлых личностей в истории, окруженных уважением и любовью народа за то, что они по мере сил своих были носителями и выразителями этих идеалов.

Вот что нам нужно понять, и тогда никакие «Валленроды»⁹ не будут нам страшны. Мы обижаемся теперь за то, что с нами говорят «сверху». Но что же делать, когда мы сами десятки лет говорим со всеми «снизу», в сознании нашей дрянности и убожества. Не им, а нам нужно переменить позиции, и тогда мы заговорим как равный с равным.

Примите уверение во всегдашнем моем к вам уважении и преданности.

